

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-4-27-39

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*А.П. Ярков*¹

Введение
Мусульмане в Сибири и на Дальнем Востоке
Мусульманская община в период установления
власти А.В. Колчака
Мусульманская община в годы становления
советской власти в регионе
Заключение

Поступила в редакцию: 16.09.2020.
Передана на рецензию: 23.09.2020.
Получена рецензия: 12.10.2020.
Принята в номер: 25.11.2020.

Мусульмане Сибири и Дальнего Востока на Гражданской войне

Тюменский государственный университет; ayarkov@rambler.ru

В статье выявлено, что история мусульман Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны мало изучена. Между тем процессы интересны (хотя иногда противоречивы), но тенденции – определяющие. Они важны для понимания того, что произошло в умме в последующие советские десятилетия. Религия в годы войны активно привлекалась противоборствующими сторонами для обоснования политических претензий на власть, но идея газавата поддержки в массах не получила. Отмечено, что несмотря на расширение атеистического мировоззрения, религия выступала критерием этнической и языковой идентичности. Это отражалось и в наименованиях (например, мусульманские роты, мусульманский совет, мусульманский детский дом). Существовали немногочисленные мусульманские ячейки РКП (б) и РКСМ, где ещё только шло формирование советских кадров управленцев. Таким образом, маркер «мусульмане» играл роль не только конфессионима. Сохранялась и «плавающая этничность»: иные сибиряки определяли себя по тухумным наименованиям, а лишь затем – татарами (бухарцами, башкирами, казахами), но, в представлении самих верующих и окружающих, «всегда мусульмане».

Ключевые слова: *Гражданская война, Сибирь и Дальний Восток, мусульмане и власть, массы и элиты.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-4-27-39

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

*A.P. Yarkov*²

Introduction.
Muslims in Siberia and the far East.
The Muslim community during the
establishment of the power of A. V.
Kolchak.
The Muslim community during the
formation of Soviet power in the region.
Conclusion.

Received: 16.09.2020.
Submitted for review: 23.09.2020.
Review received: 12.10.2020.
Accepted for publication: 25.11.2020.

¹ Александр Павлович Ярков – профессор Тюменского государственного университета, доктор исторических наук.

² Alexander Pavlovich Yarkov – doctor of historical Sciences, Professor of Tyumen state University.

Muslims of Siberia and the Far East in the Civil war

Tyumen state University; ayarkov@rambler.ru

The history of the Muslims of Siberia and far East during the civil war is not thoroughly investigated. Meanwhile, the processes are interesting, and trend-defining. They are important for understanding what happened in the subsequent Soviet decades. Religion during the war often performed the criterion of ethnic and linguistic identity. This was reflected in naming units (for example – Muslim company, Muslim council, Muslim orphanage). There were few Muslim units of RCP (b) and RKCY where the formation of Soviet personnel managers was on the way. Thus, the ‘Muslims’ marker not only played the role of konfessionism. One could observe a preserved ‘floating’ ethnicity: some siberians defined themselves according to tukhum names, and only then as the Tatars (Bukharians, Bashkirs, Kazakhs), but, in the view of the believers and others – as ‘Muslims’ always.

Keywords: *The civil war. Siberia and the Far East, Muslims and power, the masses and the elite.*

Введение

До 1920 г. к Сибири относилась часть территорий Северного Казахстана (включая упоминаемые далее в тексте Петропавловск и Семипалатинск), а в зоне Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) к началу Гражданской войны жил каждый пятый дальневосточник-россиянин. Более того, Харбин некоторое время формально являлся «сибирской» столицей, поскольку с 1 июля 1918 года там размещалось Временное правительство Автономной Сибири. Затем зона КВЖД подчинялась правительству А.В. Колчака, а в 1920–1921 гг. – Дальневосточной Республике (ДВР). Численность бывших подданных Российской империи доходила в Харбине в 1921 г. – до 165 тыс., в т. ч. мусульман. Расселение мусульман в Сибири в основном совпадало с ареалом неаборигенного населения.

Своеобразны и временные границы. Бытовал миф, что советская власть «победным маршем шла по стране». Примем во внимание, что после смерти А.В. Колчака сопротивление большевикам не закончилось, а 28 марта 1920 года была образована буферная ДВР, которая включала Забайкальскую, Амурскую, Сахалинскую (северная часть острова возвращена Японией лишь в 1925 г.) и Камчатскую области и в которой мусульмане порой играли заметную роль. Гражданская война завершилась только с освобождением Охотско-Камчатского края от белогвардейцев в Гижиге, Наяхане в апреле 1923 г.

Если говорить о «движущих силах» в умме, то в Сибири и на Дальнем Востоке мусульманского пролетариата оказалось немного, а крестьяне и кочевники не стремились поддержать власть, обещавшую землю (её изначально много). Часть джадидов стала социалистами. Надежды, мечты, идеалы подхвачены ими, очевидно, потому, что просто объясняли сложные вопросы бытия. Часть имамов поменяла приоритеты. В результате мулла из Кашегальской волости Н.Т. Валитов отказался от сана, став основателем учительской династии (которой в 2018 г. было 282 года).

Мусульмане в Сибири и на Дальнем Востоке

Большевистская пропаганда и агитация до людей, плохо или совсем не понимавших русский язык, «не доходили». Большинство мусульманок были изолированы от социальной жизни, хотя джадиды задолго до революций стремились изменить существующий порядок в гендерном вопросе. Впрочем, сибирячки издавна были свободнее, нежели единовверки в других регионах, а затворничество присуще

немногим. Мусульманок на Дальнем Востоке в сравнении с мужчинами было несопоставимо меньше: в основном там жили военные и ссыльные. Но был и другой результат: в 1917–1922 гг. в благовещенскую мечеть обратились с просьбой перейти в ислам несколько православных, католичка, молокане³. Это уже не требовало согласия государственных органов и «прежней» конфессиональной группы – всё определялось индивидуальной потребностью и продекларированной свободой выбора [1, с. 32–48]. Как и в других регионах мечети и молитвенные дома выступали центрами духовной жизни⁴. В них объявляли о директивах властей, а верующие всё ещё шли к имамам за советами в сложных личных ситуациях.

О соотношении между сельскими и городскими культовыми зданиями⁵ в некоторых районах в начале XX в. говорит следующая таблица:

	Тобольская губерния	Акмолинская область	Томская губерния	Семипалатинская область	всего
город	4	10	2	15	31
село	157	6	33	3	199
итого	161	16	35	18	230

Причины диспропорции, по свидетельству К. Сулейманова (1904–2016), заключались в том, что номады обходились мечетями-юртами [ПМА]. Чем дальше на восток, тем меньше мусульман и их культовых зданий. Так, в Приморской и Амурской областях имелось всего по одному культовому зданию, в Забайкалье – три, в Иркутской и Енисейской губерниях – по восемь. Важно также отметить, что ещё в конце XIX в. появились в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке шиитские общины⁶, сунниты же были представлены не только ханафитским мазхабом. При этом конфликтов на почве межконфессиональных различий не возникало, чего не скажешь об отношении к ваисовцам⁷, чью идеологию массы не разделяли.

Среди политически заметных фигур мусульман того времени упомянем министра без портфеля Временного правительства Автономной Сибири Гарифа Неометулова [2, с. 62], происходившего из крестьян Иркутской губернии и учившегося в Томском технологическом институте⁸. Не менее яркая фигура – Нурулла Карпов⁹ – председатель томских обществ мусульман-прогрессистов [3, с. 42].

³ Основная причина, предположительно, брак с мусульманами.

⁴ Впрочем, и там, где не было мечетей, верующие объединялись для намаза. Так, военные муллы окормляли мусульман и в полевых условиях.

⁵ Будем использовать это название, поскольку специально выстроенных мечетей в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке было немного.

⁶ На Сахалине шииты из ссыльных даже построили мечеть.

⁷ Члены религиозно-политической организации «Императорский молитвенный дом мактаб Гирфан, то есть Мусульманская академия. Канцелярия Сардара Ваисовского Божьего полка староверского мусульманского общества». Основана в Казани в 1862 г. Б.Х. Ваисовым (Сардаром), прошедшим в духовном поиске от суфизма до создания собственного учения. Его сын как «опытный борец с царизмом» был избран председателем Мусульманского комитета, но достаточно быстро в нём разочаровались сами тоболяки.

⁸ После окончания ускоренных курсов служил прапорщиком в Новониколаевске. В 1917 г. вступил в партию эсеров, а на II (чрезвычайном) Сибирском областном съезде избран в состав нацотдела при Временном Сибирском областном совете. В январе 1918 г. вошёл в число министров оппозиционного к советской власти Временного правительства автономной Сибири.

⁹ Участвовал в работе Всероссийского съезда мусульманских организаций в декабре 1914 г. В 1917 г. – председатель мусбюро Томской губернии, затем исполкома губмуссовета, делегат

Определённую роль играла и династия ишанов Курбангалиевых, сторонников кадимизма. Её глава Габидулла (Аксак-ишан) – мударрис, был дважды отстранён от этой должности «за излишнюю увлечённость суфизмом»¹⁰. Членами партий оказались: З.С. Гайсин¹¹ – эсер-максималист, А.К. Рахимов – член РСДРП (б), Ш. Шафигуллин и А.Н. Букейханов вошли в конституционно-демократическую (кадетскую) партию. Среди членов «Союза русского народа», сочетавшего великодержавный шовинизм и антисемитизм, в Томской губернии (где больше всего черносотенных организаций) встречается имя Г.Г. Оглы Булгари. Летом 1917 г. возникло движение «Даёшь царя!», участники которого собирались ехать в Петроград освободить царя¹². Устные предания повествуют и «о хорошем отношении к ссыльному царю» (в обозе сопровождения из Тобольска в Тюмень были татары-ямщики) [ПМА]. Известно также то, что мусульмане были и среди руководителей красных отрядов, как, например, житель алтайской д. Назаровки М. Массатуов.

Организованный весной 1918 г. мусульманский Совет рабочих и крестьянских депутатов Новониколаевска, поддержавший советскую власть, предпринял попытку устранения с должности муллы Г. Валева. На его место временно исполняющим обязанности был назначен Д.-Г. Бекташин. В Чите Башкиро-татарский мусульманский комитет (его председателем стал И.С. Галеев) был распущен 14 июня 1918 г., поскольку в мае создан Татаро-Башкирский комиссариат во главе с большевиком Н.-А. Шариповым. Деятельность этого органа, как и других подобных, закончилась с чехословацким мятежом.

Оренбургское магометанское духовное собрание формально оставалось органом управления и для мусульман Азиатской части страны, хотя слишком ослабили коммуникации с этим регионом. В Сибири успели развернуться ячейки Милле Шуро¹³ и Харби Шуро, действуя под общим названием «Джамхияти Хайрия». Из протокола допроса в 1937 г. муллы Н. Чалалулетинова явствует, что «контрреволюционная национальная организация "Джамхияти Хайрия"» существовала в 1918–1919 гг. в юртах Ембаевских¹⁴ и якобы была организована купцами Сейдуковыми и ахундом М.-Ю. Сагитовым (участвовал в съезде Милле Шуро в 1917 г.)¹⁵.

Действовали и созданные согласно Декрету «Об учреждении Комиссариата по делам мусульман» от 17 января 1918 г. его структурные подразделения, например

Первого (Москва) и Второго (Казань) Всероссийских мусульманских съездов, Первого Сибирского мусульманского съезда, избран в состав образованного съездом исполнительного комитета Сибирского областного совета мусульман. Участвовал в работе областных сибирских съездов, проходивших в 1917 г. в Томске, член нацфракции Сибоблдумы 1-го и 2-го созывов. Возглавлял делегацию Сибоблдумы на Уфимском государственном совещании.

¹⁰ В 1890 г. возведён в сан ахунда, но за антирусские проповеди в связи с Балканской войной 1912–1913 гг. лишен его и выслан в Петропавловск.

¹¹ С 1909 г. жил в Томске. Участвовал во Всероссийском съезде мусульман-военных. Работал в Сибирской областной думе. С 1919 г. член РКП (б), работал в мусбюро Томской губернии. В 1937 г. репрессирован.

¹² Впрочем, вскоре Н.А. Романов с семьей сам прибыл в Тобольск – в ссылку.

¹³ Милле Шуро (Национальный совет) – наряду с Мэркэз Дини Шуро (Центральным религиозным советом) орган управления культурной автономией мусульман России. Организаторы делали акцент на то, что принцип аш-Шура (Совет) изложен в Коране в суре «Аль-Имран». Создан в 1917 г. в Казани.

¹⁴ Расположенное вблизи Тюмени богатое селение бухарцев имело крупнейшее в Азиатской части страны медресе и подготовленные кадры из джадидов, часть которых стала советскими активистами.

¹⁵ В конце 1918 г. отступавшие из Поволжья остатки войск Харби Шуро вошли в армию А.В. Колчака как 16-й Татарский полк.

Тобольское мусульманское национальное управление [24], которое оказалось под влиянием Милле Шуро¹⁶ и Харби Шуро. Поэтому в мае 1918 г. его ликвидировали, а при Тюменском совдепе был организован Комиссариат по мусульманским делам, состоявший из джадидов. Сложно складывались отношения властей (и отчасти самих мусульман) с партией «Алаш»¹⁷ и правительством Алаш-Орды – Всекиргизским (казахским) временным народным советом /движением за автономию и государственность [4].

Прежде объединённые принадлежностью к одной умме мусульманская элита и масса разделились, что стало заметно по деятельности активистов партии «Алаш» и сформированной её членами Алаш-Орды (штаб-квартира в декабре 1917 г. – в г. Семипалатинске). Штаб-квартира «Алаш» располагалась в 1918 г. в Омске, а представитель А.А. Ермеков вошёл в состав Временного Сибирского областного совета. Эти организации эволюционировали от поддержки Временного правительства и исламской риторики к сепаратизму, или лозунгам Национально-культурной автономии (НКА)¹⁸. «Алаш» не признала Октябрьскую революцию, но вступила в переговоры с СНК РСФСР по вопросу об автономии. Достичь договоренности не удалось, и Алаш-Орда перешла на антисоветские позиции, приступив с апреля 1918 г. к созданию собственных вооруженных сил. Сохранение автономии оставалось политической задачей вплоть до поражения Белого движения. В конце мая 1918 г. татарские купцы Тюмени и уезда и муллы договорились принять меры против большевиков-соплеменников. Для этого решили избавиться от руководителей Комиссариата по делам мусульман – братьев Габидуллиных, натравив на них верующих.

Начало Гражданской войны в Азиатской части страны связывают с мятежом двигавшихся по Транссибирской магистрали чехословацких частей. Но в Забайкалье она началась с создания атаманом Г.М. Семёновым (гордился происхождением от Чингисхана и знанием татарского языка) в январе 1918 г. так называемого Особого Маньчжурского отряда, куда включили «кавказских инородцев». Семёновцы вместе с чехословаками свергли советскую власть, а в тюрьме замучили Ф. Абдрахманова – одного из организаторов Красной гвардии. В рядах красногвардейцев были и другие мусульмане, включая братьев Дж. и Ш. Галеевых.

¹⁶ По мере укрепления позиций советской власти усилилось преследование тех, кто ранее принадлежал (или лишь подозревался в принадлежности) к Милле Шуро. В 1937 г. её членов, якобы ставивших задачу свержения советской власти и образования пантюркистского государства под протекторатом Японии, осудили и приговорили к расстрелу: 02.11 – 48 чел. из Тарского района; 10.11 – 11 из Омска; 14.11 – 9 из Большереченского района. В Тюмени суд рассмотрел дело в обвинении 37 чел. в принадлежности в 1918–1920 гг. к этой организации и приговорил большинство к расстрелу. В июне 1938 г. «тройками» осуждены и омские мусульмане.

¹⁷ Как полагала часть учёных, «Алаш» мало связана с исламом, но в её программе (опубликована в ноябре 1917 г.) объявлено: признавая отделение религиозных институтов от государства, свободу веры при равноправии всех конфессий, в составе Российского государства создать Алашскую автономию со своим муфтиятом, в ведении которого (через мулл) остались бы вопросы регистрации рождения и смерти, брака и развода.

¹⁸ Автономия интересовала не только казахов. В докладе Г. Юныева «О культурно-национальной автономии сибирских мусульман» отмечалось: при их «разбросанности» невозможно провести в жизнь то, что выдвинули пионеры областничества. З.С. Гайсин утверждал: «...мы ...не отделяем мусульман Сибири от мусульман России или Кавказа, ... а, наоборот, способствуем объединению на новых началах всех тюрко-татарских племён всей России, в частности живущих на Алтае и в Монголии».

Мусульманская община в период установления власти А.В. Колчака

Вышеописанные события привели к исчезновению органов советской власти, но не населения, оставшегося приверженцами различных верований: как просоветски настроенных, так и ведущих борьбу с коммунистами. К примеру, купцы Насыровы из якутской Нюрбы активно участвовали в заговорах против советской власти, другие из их единоверцев эволюционировали в своих политических пристрастиях: приветствовавший в марте 1917 г. Временное правительство в Петрограде и переход местного управления в руки Якутского комитета общественной безопасности Г.О. Баширов затем стал председателем советской комиссии по ликвидации бандитизма. Сторонники же советской власти ушли с отступающими войсками в партизаны или подполье. Так, закончивший петропавловское медресе К.Р. Сутешев занимался по поручению РСДРП подпольно пропагандой среди мусульман, но во время контрреволюционного мятежа 1 июня 1918 г. был убит. Омская газета «Сибирская жизнь» писала в те дни: «местные мусульмане начали снова строить разрушенное». Служители культа вернулись в школы, а нуждавшимся из 500 семейств мулл-беженцев омичи оказали матпомощь [5, с. 262–263].

После 66 дней советской власти в Тобольске в июне 1918 г. муллы вновь пришли в тюремный замок, окормляя не только уголовников, но и сочувствующих большевикам. Но умма раскалывалась все больше. Так, в ю. Ембаевских одни приветствовали закрытие медресе (оно стало учительской семинарией), другие – нет. Имам-хатыб И. Бурундуков после перенесённых пыток от «белых» серьёзно заболел [6], другие организовали «Джамхияти Хайрия». Формально Алаш-Орда была упразднена Указом Временного Всероссийского правительства 4 ноября 1918 г., но частично сохранилась, т. к. её представителей предполагалось включить в аппарат правительственного главноуполномоченного [7]. В конце 1918 – первой половине 1919 г. возглавляемые А.Н. Букейхановым алашордынцы начали сотрудничать с правительством А.В. Колчака, надеясь на создание НКА [8, с. 290]¹⁹.

Г. Курбангалиев вернул сан и сформировал на свои средства «полк Мухаммеда», воевавший в Азиатской части страны. Примечательна судьба его сыновей: Габдували (Абдували) расстрелян красноармейцами в 1919 г. вместе с отцом; Мухаммед-Харун, командир башкирского отряда, погиб под Читой в 1920 г.; Мухаммед-Габдулхай, военный мулла 3-й армии, стал председателем Военно-Национального Управления башкир Российской Восточной окраины при штабе атамана Г.М. Семёнова [9, с. 83–117]. Воевал против советской власти и сын омского купца М.Н. Шигабутдинов. С октября 1919 г. он служил в управлении Воздушного флота, с января 1920 г. – унтер-офицером и журналистом военно-административного управления оренбургского атамана А.И. Дутова, а затем отступал по Сибири [10].

Часть мусульман соблюдала нейтралитет, замкнувшись на вопросах культуры и образования. Так, в Новониколаевске в августе 1918 г. открылось мектебе. Причём в решении сказано: «...заботы города должны касаться детей всех национальностей свободной России» [11]. В декабре 1918 г. в Петропавловске мусульманами проводилась конференция, посвященная вопросам образования. Из-за недостатка средств в городской казне томская управа обратилась к местной умме с просьбой о необходимости изыскания денег для четырёх мектебов. Видимо, на тот момент община обладала средствами. Тарская умма не испытывала никаких притеснений

¹⁹ Правительство А.В. Колчака высказывало готовность, но не смогло разрешить проблемы. Между тем 19.07.1919 г. СНК РСФСР издал Декрет о ревкоме по управлению Киргизским краем, а 04.11.1919 г. РВС Туркестанского фронта выпустил постановление об амнистии членов партии «Алаш» и Алаш-Орды. В результате в декабре 1919 г. те прекратили сопротивление и перешли на сторону советской власти.

(находясь на периферии событий). Отражая её «особенность», прошедший 19 сентября 1918 г. съезд Тарского магометанского религиозного общества Бухарской волости передал на баланс Томской управы здание мечети, служившей мектебом.

В 1918–1919 гг. система образования отличалась своим разнообразием: в русско-казахских школах обучался 551 ученик, а в мектебах – 14 720. В 1919 г. в Томском уезде существовало пять татарских начальных школ (в губернии – 150), а в Тюменском – 69. В подцензурном «Правительственном вестнике» освещалась реформа образования и не только для православного населения. К примеру, сообщалось, что омское уездное собрание отпустило 100 тыс. руб. для постройки школ для казахских детей. С одной стороны, это было проявлением заботы властей, с другой – показывало ограниченные финансовые возможности номадов. Махалля более организованно проявляли себя в Семипалатинске, Петропавловске, где доминировали татары.

С установлением власти А.В. Колчака (ноябрь 1918 г.) в структуре правительства появилось Главное управление по делам вероисповеданий, возродившее институт военных мулл. Оно решало вопросы взаимодействия, финансировало издания мусульман [12]. Тюрко-татарская учительская семинария «Дарульмугаллимин» в Томске с июля 1919 г. была включена в число государственных заведений с преподаванием на татарском и арабском языках «магометанского вероучения» [14]. Реализуя дореволюционную идею городской думы, в 1918 г. 60 семьям барнаульских мусульман были выделены участки под индивидуальную застройку в т. н. Сад-городской части. Там предусматривалось и место под мечеть и школу.

Издававшаяся в Омске информотделом штаба газета «Русская армия» в какой-то мере отражала и повседневную жизнь общин. Так, сообщалось, что тобольское губернское земство организовало (летом 1919 г.) мусульманские педкурсы для 100 чел. (в т. ч. восемнадцать мусульманок и трёх мулл), увидевших в этом «зерно» новой совместной жизни русских и татар; подобные курсы работали в мае-июле 1919 г. и в Томске. И все же правительство А.В. Колчака проводило политику приоритета для православных. На просьбы об оплате труда мулл в школах МНП ответило, что они имеют право на получение содержания из средств казны, но лишь в том случае, когда нет законоучителей православного вероисповедания.

Жизнь мусульман шла своим чередом: исполнялись предписанные религией установки²⁰; служившие в Белой Армии освобождались на время праздников от службы; силами верующих была перестроена мечеть в тюменском с. Киндер. В 1919 г. в читинской мечети прошли выборы в городской меджлис, который возглавил Х. Низмутдинов, а в городскую думу вошли В. Замалетдинов, А. Мухибуллин и Г. Назмутдинов [13].

Реагируя на запросы элиты, съезд мусульман в г. Новониколаевске 17–23 июля 1919 г. ходатайствовал о «скорейшем рассмотрении и положительном решении» вопроса об автономии. В резолюции съезда было заявлено, что Национальное управление считается высшим органом управления, а выступления против этого учреждения считаются недопустимыми с точки зрения интересов мусульман²¹. Съезд обратил внимание Совета министров на деятельность «некоторых агентов» Главного управления по делам вероисповеданий, покровительствующих «сепаратным выступлениям» против Нацуправления. Подчёркивалось, что такая политика обусловлена полным незнанием нужд, чаяний и интересов мусульман,

²⁰ Хотя хадж был невозможен, а сбор закята затруднён.

²¹ На попытки создать особое духовное ведомство съезд ответил постановлением о пополнении «одним членом духовного ведомства» ЦНУ (не успевшего эвакуироваться из Уфы) и о передаче всех дел «временной комиссии по духовным делам» при ЦНУ.

неосведомлённостью об их настроениях, поскольку это управление получает информацию «из таких сомнительных в глазах мусульман источников, как Курбангалеев, военный мулла Салимгареев, подпоручик Ягафаров и др.» [4]. Ситуация вокруг съезда и высказанных им претензий в адрес Главного управления по делам вероисповеданий получила широкую огласку. Ведомству пришлось оправдываться, доказывая, что сепаратных выступлений не поддерживало и информацией из сомнительных источников не пользовалось [14, с. 12–19].

На неправомерность раздававшихся в тот момент в сибирских газетах и на собраниях призывов к газавату указал Н.М. Карпов, считавший, что возбуждать среди местных мусульман эту идею опасно, а с позиций догматики и неправомерно. Его мнение было важным для уммы в непростой военно-политической ситуации.

Мусульманская община Петропавловска жила относительно полноценно. В городе базировалось ЦНУ, из которых были избраны представители мусульман России на мирную конференцию в Париж. Здесь издавалась при поддержке правительства А.В. Колчака газета «Мухтариат» [15]. Именно со страниц «Мухтариата» прозвучал призыв вступать в добровольческие формирования – дружины Зелёного знамени. Это было вызвано тем, что к осени 1919 г. положение на фронте ухудшилось. Среди верующих ставка Колчака была сделана на отряды Святого Креста и дружины Зелёного знамени, превращая религию в фактор мобилизации. После агитации в омский отряд записалось 400 мусульман, а ко второй половине сентября насчитывалось уже 500 штыков и 100 сабель. В октябре «Братством святителя Гермогена» был устроен праздник конфессиональных дружин в присутствии Колчака, членов правительства и представителей союзных держав.

Особенность добровольческого движения заключалась в том, что оно сопровождало политические требования. Например, мусульмане Иркутска, Новониколаевска, Семипалатинска потребовали признания НКК (и ЦНУ как правового органа), т. е. гарантий свободного духовного развития. ЦНУ организовало сбор пожертвований. Томские мусульмане собрали 100 тыс. руб. В г. Омске в однодневном сборе инициаторы получили 101 691,36 руб., из которых 57 899 руб. отправили солдатам-мусульманам. В Иркутске было заявлено, что организация добровольчества должна проходить «под флагом национальной идеи» и получить одобрение на экстренном съезде мусульман Сибири и у беженцев. Представители ЦНУ настаивали: мусульманские отряды формируются на местах отдельными ротами и полками, чтобы затем их объединить. В тот период Гилязитдинов, Салимгареев, Султанов находились на положении военных мулл, а Урманов заведовал «военным духовенством». Подпоручик Васильев в телеграмме министру внутренних дел Пепеляеву сообщал, что можно организовать дивизию добровольцев-мусульман даже в окрестностях Омска. Он подчеркивал, что сами мусульмане требуют привлечения к воинской повинности даже тех, кто был освобождён от неё по здоровью. Васильев предлагал создавать доброотряды также из числа турецких военнопленных Барнаульского лагеря.

Колчак отказался признать национально-культурную автономию даже в условиях краха зимней кампании 1919 г. и тем самым уменьшил число сторонников Белого движения. Между тем в Иркутске под председательством полковника Мусалимова прошло собрание 200 мусульман города и уезда, выразивших желание служить, но колчаковская армия была деморализована и ничто уже не смогло предотвратить поражение. К тому же большевики умело вели агитацию, перетягивая на свою сторону бывших противников: харизматичный З.С. Гайсин участвовал в формировании колчаковского тюрко-татарского батальона, а после перехода подразделения на сторону РККА служил в нём комиссаром [16, с. 108].

Мусульманская община в годы становления советской власти в регионе

Отказ советской власти от радикализма, терпимость к особенностям жизни разных групп населения должны были укрепить веру в вернувшуюся советскую власть. Не случайно приказ № 1 военно-революционного комитета от 13 августа 1919 г. призвал «всех граждан города Тюмени и уезда к спокойствию и мирной жизни», предложив «сплотиться в одну трудовую семью для совместной и плодотворной работы» [17, с. 174]. Советская власть рассчитывала не только на давних сторонников из мусульман, но и на молодежь как менее религиозную часть населения. В 1920 г. в двух ячейках Ялуторовского уезда насчитывалось уже 25 комсомольцев-тюрок. В декабре в селении Тобол-Тура Тюменской губернии появилась одна из первых в умме Сибири мусульманская ячейка РКП(б) из 6 татар [18, с. 49].

Части Белой и Красной Армий вступали в столкновения, но служители культов продолжали осуществлять свою миссию. Дезертирство характерно было для всех противоборствовавших сторон. О настроениях и симпатиях свидетельствовал переход на сторону большевиков созданного в Томске колчаковцами добровольческого мусульманского батальона. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке продолжались военные действия, где мусульмане были «по обе стороны баррикад», влекомые туда не только присягой, призывами духовных лиц, но и личной политической позицией. Возникли «красные мусульманские полки», такие как 21-й Мусульманский (451-й Краснознаменный) стрелковый. В таких частях встречались и турки из военнопленных, которых именовали «иностранными трудящимися».

Противоположных политических взглядов придерживались выжившие после «Ледового похода» мусульмане, упорно сражавшиеся с РККА и партизанами. Находившиеся под командованием генерала В.О. Каппеля части 1 марта 1920 г. объединились с войсками Семёнова и расположились в Забайкалье. Здесь оказалось 1 900 башкир и 1 172 татарина, решивших, что нельзя бежать без конца. Был сформирован Казачий полк (350 штыков), где принадлежность к исламу одетых в общевойсковую форму солдат подчёркивалась зелёным цветом башлыков, погон и канта. Большая часть башкир-каппелевцев служила во 2-м Уфимском армейском корпусе. В апреле 1920 г. они приняли участие в Читинском сражении. После поражения военные и беженцы ушли в Приморье (туда же шведский Красный Крест переправил военнопленных турок) и Маньчжурию – в зону КВЖД. Вместе с отступавшими частями за границу ушли многие. Так, в составе 1-го Татарского конного полка Азиатской дивизии в марте 1920 г. М.Н. Шигабутдинов перешёл в Западный Китай²².

Правительство РСФСР 14 мая 1920 г. признало ДВР, где существовали разнонаправленные явления. В г. Чите в июне 1920 г. были созданы «Ухувате диния» и «Военно-Национальное Управление башкир Российской Восточной окраины», возглавившие духовную жизнь мусульман и позже борьбу с большевизмом. А в феврале 1921 г. в читинской мечети даже собирались мусульмане-коммунисты. Там же работало татарское училище (за его парты село 90 учеников). В Основном законе

²² Возведённый в чин корнета (с июля 1921 г.) командирован в Ургу, а затем направлен в китайскую Алтайскую область с письмом к предводителям казахских родов, которые часто перекочевывали через советскую границу. У генерала А.С. Бакича служил ординарцем и переводчиком. 30.12.1921 г. пленён частями Монгольской Народно-революционной Армии, а в феврале 1922 г. в числе «20 наиболее опасных государственных преступников» передан РККА. Судом Новониколаевска 25.05.1922 г. приговорён к расстрелу.

(Конституции) ДВР (23.04.1921 г.) было заявлено о гарантиях свободы совести. Весной и летом 1921 г. в местных газетах были опубликованы статьи «Голос воина-мусульманина», «Армия и мусульмане» и другие. Там освещались не только положение армии, но и настроения среди солдат-мусульман. Между тем в ДВР в составе министерства по национальным делам имелся тюрко-татарский отдел с мусульманской культурно-просветительской секцией. Период существования ДВР оказался коротким, но относительно благоприятным для местных мусульман.

Настроения мусульман менялись, а позиции поляризовались. В 1921 г. во Владивостоке раскрыли заговор солдат и офицеров, получивший название «Подпольная мусульманская организация», цель которой – агитация за соединение с Народно-революционной армией ДВР, где были большевистски настроенные мусульмане. Бывший мулла Приамурского военного округа Дж. Богаутдинов был даже обвинён в прокоммунистической пропаганде среди солдат. Очевидно, потому, что пользовался авторитетом, и его мнение было важным для солдат-мусульман. Весной и летом 1921 г. через газеты Владивостока звучал призыв к мусульманам как «верным и веками испытанным сынам Родины», но и этот резерв Белого движения был исчерпан. Белая Армия покинула Приморье осенью 1922 г., но Гражданская война закончилась на Дальнем Востоке лишь в апреле 1923 г.

С восстановлением советской власти вновь возник вопрос о месте религии в переустройстве общества. Так, кряшанам как «татарам-христианам» для социалистического строительства рекомендовали объединиться с «татарами-мусульманами» [22, с. 107]. Органы советской власти начали проводить в жизнь первые декреты, касавшиеся верующих, но, принимая во внимание отзывы с мест, решили внести изменения [23]. Власть не забыла и об обидах: среди осуждённых в 1920–1930-х гг. органами ОГПУ / НКВД были муллы и прихожане, убивавшие красноармейцев и «подозрительных», терроризировавшие земляков в Гражданскую войну и во время Западно-Сибирского восстания 1921 г. [24, с. 169], когда восставшие стали разделять большевиков и советскую власть.

Заключение

Процесс секуляризации жизни Сибири не был привнесён событиями революции и Гражданской войны. Он отражал потребности самого социума в плюрализме. Религия постепенно становилась частным делом индивида. Мусульманская умма Сибири и Дальнего Востока стала отражать сложный процесс субъективизации веры и отношения к её догматам. Но, слабо разбираясь в сути политических программ, выдвигаемых различными партиями и движениями, массы больше ориентировались на позицию харизматичных лидеров и духовных лиц, в т. ч. джадидов и кадимистов. Выдвигалась, хотя и робко, новая генерация деятелей, принявших коммунистические идеи как воплощение мечты о справедливости. Имена архитектора М.Х. Булатова, писателя Я.К. Занкиева, учёного Х.Х. Ярми и других мусульман (иных лишь по происхождению) вошли в историю отечественной культуры XX в.

Литература

1. [Старостин А.Н., Ярко А.П. Мусульмане в Приамурье: эскиз к историческому портрету // Религиоведение. – 2017. – № 3. – С. 32–48.](#)
2. [Моравский В.И., Моравский Н.В. Из воспоминаний. – Томск: Изд-во Томского университета, 2006. – 102 с.](#)
3. [Томские татары в прошлом и настоящем: Сб. докум. и материалов / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск, 2000. – 365 с.](#)

4. *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). – Томск: Изд-во Томского университета, 2009. – 500 с.
5. *Багаутдинов Р.О.* Мусульмане-беженцы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. – С. 5–7.
6. *Кабдулвахитов К.* По следам тюменских шейхов. Историческое расследование. – Тюмень: Печатник, 2005. – 238 с.
7. *Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: в 3 т. – М., 2015. – Т. 3. – 400 с.*
8. *Ярков А.П.* «Алаш» в системе трансформации сибирской уммы // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири: сб. науч. тр. – Астана. 2012. – С. 288–294.
9. *Юнусова А.Б.* Татаро-башкирская эмиграция на Дальнем Востоке: мусульманский фактор социальной адаптации и сохранения этнокультурной идентичности // Modern history. – Уфа, 2003. – С. 73–83.
10. *Винокуров П.* Последние из могикан: (К процессу по делу Бакича) // Советская Сибирь. – 1922. – С. 113.
11. Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 – май 1918 г.). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. – 320 с.
12. *Кузнецов В.А.* А.В. Колчак и православие: религиозный метод борьбы с большевиками // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 3. – С. 68–71.
13. *Кириллов И.И.* Очерки истории Восточного Забайкалья. Т. 1: Читинская область. / под ред. И.И. Кириллова. – Чита: Экспресс-издательство, 2007. – 172 с.
14. *Кокоулин В.Г., Рахматуллина А.Р.* Новосибирская мусульманская община: 1907–2007. – Новосибирск, 2011. – 128 с.
15. *Махмутов А.З.* Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области: история и этнические процессы. – Казань: ЯЗ, 2015. – 156 с.
16. *Наумова Н.И.* Организация отрядов Зеленого знамени в Сибири // Сибирь в период Гражданской войны: материалы Межд. науч. конф. – Кемерово: КРИПО, 2007. – С. 107–110.
17. *Гарифуллин И.Б.* Из истории партийного руководства народным образованием среди татарского населения Тюменской области // Коммунисты Западной Сибири (1917–1967): мат. науч. конф. преподавателей общественных наук вузов Тюменской обл., посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. – Тюмень, 1967. – С. 173–175.
18. *Гарифуллин И.Б.* Из истории деятельности татаро-башкирских секций, бюро при Тюменском губернском, Тобольском, Тюменском окружных комитетах партии (1919–1925 годов): Ленин – в наших свершениях. – Тюмень, 1971. – С. 47–49.
19. *Закирова И.Г.* Современный фольклор сибирских татар: образы и сюжеты (по материалам фольклорной экспедиции в Вагайском районе Тюменской области) // Тюркские народы: мат. V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2002. – С. 34–36.
20. *Ярков А.П.* Мусульмане Ялуторовска и Ялуторовского района в панораме веков (из опыта обретённой толерантности) // Ялутур-городок: ист.-краевед. альманах. Вып. 11. – Ялуторовск: Информационно-издательский центр «Ялуторовская жизнь», 2016. – С. 113–115.
21. *Баринов И.А.* Одна из традиционных религий // Забайкалье: наука, культура, жизнь. – 2003. – № 5. – С. 37–38.

22. Айнитдинова Н.И. Расселение и формирование особенностей культуры и быта кряшен // Сулеймановские чтения (восемнадцатые): материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 29 мая, 2015 г. – Тюмень, 2015. – С. 107–108.
23. ФКУ «ГАРФ». Ф. 1318. Оп. 1. Д. 50. Л. 112–113.
24. Айтбаева Р.И. История села Ембаево. Нигматулла хаджи. Автобиография // Сулеймановские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Вып. XIX. Тюмень, 20 мая, 2016 г. – Тюмень, 2016. – С. 168–169.
25. ГУТО «Государственный архив Тюменской области». Ф. 152. Оп. 50. Д. 23. Л. 9.

References

1. Starostin A.N., Yarkov A.P. Musul'mane v Priamur'e: eskiz k istoricheskomu portretu // Religiovedenie. 2017. № 3. S. 32–48.
2. Moravskij V.I., Moravskij N.V. Iz vospominanij. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2006. 102 s.
3. Tomskie tatory v proshlom i nastoyashchem. sb. dokum. i ma-terialov / otv. red. N.M. Dmitrienko, Tomsk, 2000. 365 s.
4. Nam I.V. Nacional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.). Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2009. 500 s.
5. Bagautdinov R.O. Musul'mane-bezhency v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v gody Grazhdanskoj vojny // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2013. T. 18. S. 5–7.
6. Kابدulvahitov K. Po sledam Tyumenskih shejhov. Istori-cheskoe rassledovanie. Tyumen': «Pechatnik», 2005. 238 s.
7. Islam na krayu sveta. Istoriya islama v Zapadnoj Sibiri: [v 3 t.]. T. 3. M.: [b. i.], 2015. 400 s.
8. Yarkov A.P. «Alash» v sisteme transformacii sibirskoj ummy // Problemy etnicheskoy istorii tyurkskogo naseleniya Zapadnoj Sibiri: sb. nauch. tr. Astana. 2012. S. 288–294.
9. Yunusova A.B. Tataro-bashkirskaya emigraciya na Dal'nem Vostoke: musul'manskij faktor social'noj adaptacii i sohraneniya etnokul'turnoj identichnosti // Modern history. Ufa, 2003. S. 73–83.
10. Vinokurov P. Poslednie iz mogikan: (K processu po delu Bakicha) // Sovetskaya Sibir'. 1922.
11. Oktyabr' v Sibiri. Hronika sobytij (mart 1917 – maj 1918 g.). Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1987. 320 s.
12. Kuznecov V.A. A.V. Kolchak i pravoslavie: religioznyj metod bor'by s bol'shevikami // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2009. № 3. S. 68–71.
13. Kirillov I.I. Oчерki istorii Vostochnogo Zabajkal'ya. Chitinskaya oblast'. T. 1. / pod red. I.I. Kirillova. Chita: Ekspress-izdatel'stvo, 2007. 172 s.
14. Kokoulin V.G., Rahmatullina A.R. Novosibirskaya mu-sul'manskaya obshchina: 1907–2007. Novosibirsk, [b. i.], 2011. 128 s.
15. Mahmutov A.Z. Tatory g. Petropavlovskaya i Severo-Kazahstanskoj oblasti: istoriya i etnicheskie processy. Kazan: YAZ, 2015. 156 c.
16. Naumova N.I. Organizaciya otryadov Zelenogo znamenija v Sibiri // Sibir' v period Grazhdanskoj vojny: mat. Mezhdunar. nauch. konf. Kemerovo: GOU «KRIRPO», 2007. S. 107–110.
17. Garifullin I.B. Iz istorii partijnogo rukovodstva narodnym obrazovaniem sredi tatarskogo naseleniya Tyumenskoj oblasti // Kommunisty Zapadnoj Sibiri (1917–1967): mat. nauch. konf. prepodavatelej obshchestvennyh nauk VUZov Tyumenskoj obl., posv. 50-letiju Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii. Tyumen', 1967. S. 173–175

18. Garifullin I.B. Iz istorii deyatel'nosti tataro-bashkirskih sekcij, byuro pri Tyumenskom gubernskom, Tobolskom, Tyumenskom okružnyh komitetah partii (1919–1925 godov) // Lenin – v nashih sversheniyah. Tyumen', 1971. S. 47–49.

19. Zakirova I.G. Sovremennyy fol'klor sibirskih tatar: obrazy i syuzhety (po materialam fol'klornoj ekspedicii v Vagajskom rajone Tyumenskoj oblasti) // Tyurkskie narody: mat. V Sibirskogo simp. «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri». Tobol'sk; Omsk, 2002. S. 34–36.

20. Yahrkov A.P. Musul'mane Yalutorovska i Yalutorovskogo rajona v panorame vekov (iz opyta obretyonnoj tolerantnosti) // Yavlutur-gorodok: ist.-kraeved. al'manah. Vyp. 11. Yalutorovsk: ANO «Informacionno-izdatel'skij centr «Yalutorovskaya zhizn'», 2016. S. 113–115.

21. Barinov I.A. Odná iz tradicionnyh religij // Zabajkal'e: nauka, kul'tura, zhizn'. 2003. № 5. S. 37–38

22. Ajnitdinova N.I. Rasselenie i formirovanie osobennostej kul'tury i byta kryashen // Sulejmanovskie chteniya (vosemnadcatye): Vseros. nauch.-prakt. konf. Tyumen', 2015. S. 107–108.

23. FKU «GARF». F. 1318. Op. 1. D. 50. L. 112–113.

24. Ajtbaeva R.I. Istoriya sela Embaevo. Nigmatulla hadzhi. Avtobiografiya // Sulejmanovskie chteniya: mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. Vyp. XIX. – Tyumen, 2016. S. 168–169.

25. GUTO «Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti». F. 152. Op. 50. D. 23. L. 9.